

Все вышеуказанное говорит о необходимости масштабного противостояния манипулятивным технологиям, служащим инструментом изменения сознания и поведения современной молодежи.

Литература

1. A Modern Dictionary of Sociology Hardcover. – March 1, 1969. 469 p.
2. Аминова Д. Узбекистон миллий журналистика сининг мафкуравийасослари. (Идеологические основы национальной журналистики Узбекистана). – Т.: Турон икбол, 2013.
3. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. – М.: Алгоритм, 2006. – С. 34.
4. Қурбонов Т. Ҳозирги замон цивилизациясини тадқиқ қилиш методологияси: тадқиқот услубларини танлаш масалалари. (Методология изучения современной цивилизации: вопросы выбора исследовательских методов) // Ҳозирги замон фалсафаси. (Современная философия), Халқаро илмий конф. мат. (Материалы Международной научной конференции). – Т., 2008. – С. 226–228.
5. Процесс социального исследования // Пер. с нем. А. Шестакова и И. Марасанова. – М.: Прогресс, 1975. – 365 с.

*Статья предоставлена автором для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир»*

Добаев И.П.,

доктор философских наук, профессор,
эксперт Российской академии наук,
директор Центра региональных исследований
Института социологии и регионоведения
Южного федерального университета
(г. Ростов-на-Дону)

Щукина Е.Л.,

кандидат исторических наук, доцент,
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет
(г. Ростов-на-Дону)

ИСЛАМОФОБИЯ В РОССИИ:

ИСТОКИ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

DOI: 10.31249/rimm/2019.02.01

***Аннотация.** В статье в качестве одного из видов ксенофобии в России рассматривается исламофобия, ее исторически обусловленные истоки, сложный исторический путь развития, современное состояние и возможные векторы нивелирования связанных с этим явлением вызовов, рисков и угроз для национальной безопасности страны. Делается*

вывод о том, что такая задача по силам российскому обществу и государству.

Ключевые слова: джихад; ислам; исламизм; исламофобия; ксенофобия; такфир; терроризм; экстремизм.

На рубеже XX–XXI вв. ксенофобия в России превратилась в один из наиболее острых вызовов национальной безопасности. Системный кризис 90-х годов XX в. обострил социальные противоречия, которые в условиях многосоставного полиэтнического общества приобрели характер межконфессиональных и межэтнических конфликтов.

Ксенофобия – неприязнь к чужим; установка видеть в них источник своих проблем – извечный спутник человеческой истории, а не только продукт современного трансформирующегося и противоречивого мира. Ксенофобские тенденции в открытом или латентном состоянии существуют обычно на государственном, общественном или личностно-бытовом уровнях. Их основу составляют негативные стереотипы, в которых закреплены отрицательные характеристики представителей другого этноса, конфессии, социальной группы. Как правило, они представляют собой абсолютизацию, распространение на всю социальную группу представлений (реальных, но чаще искаженных) об ответственности за какие-либо негативные явления. В социальном процессе, развивающемся эволюционно, ксенофобия находится в латентном состоянии, негативно окрашенные стереотипы замещаются позитивными или нейтральными. Однако в условиях кризиса ксенофобия становится одной из причин этнической, религиозной нетерпимости, конфликтов и даже войн.

Из фобий в современной России на религиозной почве наибольшую опасность для национальной и региональной безопасности представляет исламофобия, имеющая исторические основания.

Непринятие «Людьми Писания» (христиане и иудеи) ислама как последней мировой монотеистической религии восходит к мединскому периоду (с 622 г.) получения Мухаммедом божественных откровений, поскольку именно тогда проживавшие в Медине иудейские племена (бану кайнука, бану курайза и бану надир) поставили под сомнение его пророческую миссию. В свою очередь, полемику между христианами и мусульманами открыл знаменитый св. Иоанн Дамаскин (умер ок. 787 г.). В трактате «О ста ересях вкратце», представляющем собой каталог ересей

«откуда они начались и от чего произошли»¹, ислам им был помещен в разряд ересей, происшедших от христианства. Трактовка ислама, данная Дамаскином, надолго определила отношение христианских полемистов (как православных, так и католических): «Есть еще и доныне имеющая силу, вводя народ в заблуждение, религия исмаилитов, *предтеча антихристовая*»². Далее Дамаскин отмечает, что предки последователей новой «ереси», до времен императора Ираклия (ум. в 641 г.), «явно служили идолам; от того времени и доселе у них появился *лжепророк*, называемый Мамедом (Магометом). Тот, познакомившись с Ветхим и Новым Заветом, а также пообщавшись с арианским будто бы монахом, составил собственную ересь»³.

Аналогичное восприятие ислама демонстрирует в конце VIII в. арабоязычный епископ Феодор Абу-Курра. Считая себя идейным преемником св. Иоанна Дамаскина, Феодор Абу-Курра также отрицательно относился к личности Мухаммеда и его учения: для него он – лжепророк-арианин, находящийся во власти беса⁴.

Что касается России, то история ислама на ее территории столь же древняя, как и христианства. В период правления киевского князя Владимира I Святославича (980–1015) мусульманство уже утвердилось в землях ближайшего геополитического соседа Руси – Волжской Булгарии. Тесные военно-политические и экономические контакты с булгарами, наличие общего врага в лице иудейской Хазарии – все это знакомило население Киевской Руси с мусульманской верой, ее принципами, изложенными в Коране и Сунне, ее обрядами, повседневным бытом мусульман. И хотя позже на Руси восторжествовало христианство, воздействие исламского мира на русскую цивилизацию и культуру не ослабевало никогда.

Знакомство с исламом отразилось и в древнейших письменных памятниках Руси, в частности в так называемом «Сказании о выборе веры», вошедшем в авторитетнейший из сохранившихся письменных источников – свод «Повесть временных лет». По сви-

¹ Творения преподобного Иоанна Дамаскина. Источник знания. – М., 2002. – С. 123.

² Там же. – С. 150.

³ Там же.

⁴ *Скорик А.П., отец Андрей (Немыкин)*. Православие в исторических судьбах Юга России // Южнороссийское обозрение. Вып. 16. – Ростов н/Д., 2003. – С. 165.

детельству «Повести», примерно в 986 г. болгары прислали в Киев посольство с целью обращения язычника Владимира в новую веру. Однако это посольство успеха не имело, так как принятие ислама предполагало обрезание, отказ от свинины и винопития (только многоженство вызвало одобрение князя, который, судя по житийному сказанию, до своего крещения был весьма женолюбив), на что князь не согласился. Как известно, после болгарских послов князя Владимира посетили немецкие и иудейские послы, вслед за которыми прибыл некий греческий «философ», достаточно пространно изложивший ему христианское учение и пересказавший ряд сюжетов Ветхого и Нового Завета. Речь православного миссионера князю понравилась, и он его отпустил, щедро одарив¹. Однако начал «философ» с «хуления» чужих вер, и особенно поразительна его оценка мусульман, которая в переводе с древнегреческого звучит так: «Слышали мы, что приходили болгары и учили тебя принять свою веру; вера же их оскверняет небо и землю, и прокляты они сверх всех людей, уподобились жителям Содомы и Гоморры, на которых напустил Господь горящий камень и затопил их, и потонули. Так вот и этих ожидает день их гибели, когда придет Бог судить народы и погубят всех, творящих беззакония и скверное делающих. Ибо, подмывшись, вливают эти отходы в рот, мажут ими по бороде и поминают Магомета. Так же и жены их творят ту же скверну». Услышав об этом, Владимир плюнул [сблевал] на землю и сказал: «Нечистое это дело» [2, стлб. 106 (л. 37)].

Когда же русские послы, выполняя волю князя Владимира: «Идите сперва к болгарам и испытайте веру их», – вернулись в Киев, то рассказали буквально следующее: «Ходили в Болгарию, смотрели, как они молятся в храме, то есть в мечети, стоят там без пояса; сделав поклон, сядет и глядит туда и сюда, как безумный, и нет в них веселья, только печаль и смрад великий. Не добр закон их» [2, стлб. 108 (л. 37)].

Таким образом, известия «Сказания о выборе веры» показывают, что первичное внешнее знакомство русских с обрядовой стороной ислама было поверхностным и негативным, вызвало у них известную неприязнь к этой религии. В последующем мусульман (*басурман*) русские авторы именовали не иначе как «без-

¹ Все ссылки на «Повесть временных лет» даются по изданию: Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 1. Лаврентьевская летопись. – М., 1997. (После номера столбца в скобках дан лист оригинала Лаврентьевской летописи.)

божными», «нечестивыми» и «погаными». Так, даже еще до полной исламизации Орды летописец будет клясть «басурман» и писать: «Избави от лютого томления басурманского» [2, стлб. 476 (л. 167)].

Так изначально формировались взаимоотношения ставшего с 988 г. православным населением Руси и соседнего с ним мира ислама. Обе стороны, вероятно, своим непониманием друг друга внесли лепту в создание негативного образа ислама. Очевидно и то, что русская летописная традиция, раз возникнув, продолжала воспроизводиться, причем все новые внешние враги (половцы, татаро-монголы, турки и т.д.) ассоциировались с миром ислама, его агрессивной воинственностью, что, безусловно, усиливало исламофобские тенденции среди русских. Только начавшийся с середины XVI в. процесс вхождения в состав русского государства новых территорий с преимущественно мусульманским населением, а также постепенного обмирщения русской культуры, одновременно с более глубоким проникновением в духовный мир мусульман, позволили в XIX в. изменить образ мусульманина в глазах в основном православного населения России.

Первые включения территорий, населенных мусульманами, начинаются в XVI в., когда в состав России вошли Казанское (1552), Астраханское (1556) и Сибирское (1589) ханства – осколки некогда могущественной Золотой Орды. В конце XVIII в. Крым стал российским, Кавказ (Северный Кавказ и Закавказье) вошел в состав Российской империи сравнительно поздно – в 20–80-х годах XIX столетия, а Средняя Азия была присоединена к России в последней трети XIX в.

Присоединение Кавказа к России диктовалось религиозно-моральными соображениями (спасение от истребления и присоединение христианских народов Кавказа к России) и военно-стратегическим положением Кавказа как барьера экспансии Великобритании и ее орудия – Турции, а также плацдарма для России в завершении ее естественного геополитического развития как европейской, так и мировой державы (Константинополь, Босфор и Дарданеллы). Экономический аспект в XVIII – первой половине XIX в. не играл какой-либо существенной роли для России

в развитии событий на Кавказе, хотя в перспективе и учитывался российскими властными субэлитами¹.

Русско-турецкие войны второй половины XVIII в. привели не только к присоединению к России Крыма, но и к переходу в сферу влияния России части Кавказа и Северного Причерноморья. В последующем две Русско-персидские (1804–1813), Русско-турецкая (1806–1812) и Отечественная войны предопределили за Российской империей фактически статус сверхдержавы того времени. Бухарестский (1812), Гюлистанский (1813), Туркманчайский (1828) и Андрианопольский (1829) мирные договоры закрепили в международно-правовом отношении переход Кавказа под юрисдикцию России.

Бурная реакция Великобритании на присоединение Кавказа подталкивала Россию к форсированию установления контроля над регионом и введению здесь военной и гражданской администрации империи. Это стало одной из причин затяжной и кровопролитной Кавказской войны (1817–1864), в которой России пришлось вести борьбу не только с имаматом Шамиля и адыгами Северо-Западного Кавказа, но и вмешательством Османской империи, Великобритании, польских, венгерских и других европейских революционеров и авантюристов.

Особенно ожесточенно Кавказская война протекала в восточной части Северо-Кавказского региона, где она под руководством легендарных аварских имамов (Гази Мухаммед, Гамзатбек и Шамиль) велась под лозунгом газавата (газават – это джихад «в форме меча», или боевой джихад). Безусловно, в тот период роль ислама в общественно-политической жизни северокавказских горцев резко усиливается, а на Северо-Восточном Кавказе возникает мощное движение, получившее известность как «кавказский мюридизм», которое достигает своего апогея при имаме Шамиле. «Кавказский мюридизм» как религиозно-политический феномен возникает на основе получившего развитие в регионе суфийского ордена накшбандийа, однако по своим параметрам не совпадает с ним, используя лишь идеологическую и организационную оболочку этого тариката. В годы Кавказской войны Шамиль на части территорий современного Дагестана и Чечни даже создал теокра-

¹ Добаев И.П. Исторические и доктринальные корни исламского радикализма, его основные проблемы и течения // Центральная Азия и Кавказ. – 2001. – № 2. – С. 42.

тическое государство – Имамат, которое прекратило свое существование в 1859 г. вместе с пленением имама Шамиля¹.

Вместе с тем следует отметить, что до и после завершения Кавказской войны на Северном Кавказе фиксировались определенные формы «возбуждения» ислама, этнорелигиозного экстремизма и даже терроризма: наездничество (набеговая система); похищения людей с целью продажи или получения выкупа; абречество; вооруженный сепаратизм и призывы к джихаду (после завершения Кавказской войны); политический бандитизм (20–30-е годы XX в.); этнический коллаборационизм, создание и участие на стороне фашистской Германии горских воинских формирований.

Особенно остро активизация «исламского фактора» происходила накануне и в результате революций 1917 г. (Февральской и Октябрьской) и последовавшей Гражданской войны. В тот период на Северном Кавказе активизировались так называемые «шариатисты», лидеры которых выступали за создание исламского государства по типу шамилевского имамата. Особую активность в вопросе реализации идеи об имамате проявили шейх Н. Гоцинский и шейх Узун-Хаджи. В результате в августе 1917 г. на втором съезде горских народов, состоявшемся в ауле Анди (Дагестан), имамом Дагестана и Чечни был избран шейх Н. Гоцинский, который в союзе с шейхом Узун-Хаджи приступил к созданию религиозной монархии в составе Чечни и Дагестана. Осенью 1919 г. шейх провозгласил Чечню и северо-западную часть Дагестана «Северо-Кавказским Эмиратом». Однако этот проект оказался нежизнеспособным и вскоре рухнул под напором большевиков, а на Северном Кавказе была установлена советская власть.

Не менее драматично развивались события в ходе Гражданской войны и в Средней Азии. Советская власть здесь была установлена после революционных событий 1917 г., а уже в январе 1918 г. было подавлено контрреволюционное сепаратистское выступление местной мусульманской знати, пытавшейся создать «Кокандскую автономию» на территории Ферганской долины. Однако полностью локализовать это движение не удалось, в результате большевики вскоре столкнулись с широким движением мятежников – басмачеством, идеологической основой которого выступали панисламизм и пантюркизм (казахи, киргизы, узбеки

¹ *Добаев И.П.* Исламский фактор в этнополитических процессах на Северном Кавказе // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 1998. – № 2. – С. 15.

и туркмены – тюркские народы; таджики относятся к иранской ветви индоевропейцев; все они исповедуют ислам, преимущественно суннитского направления)¹.

Если в 1918 г. основным центром сопротивления была Ферганская долина, то в 1919–1920 гг. оно распространилось практически по всей Средней Азии. Возбуждая религиозный фанатизм и выступая под лозунгом «священной войны против неверных», лидеры бандформирований преследовали цель отрыва Туркестана от советской России и реставрации здесь средневековых феодальных порядков. Главари басмачества располагали относительно широкой пособнической базой, включавшей байство, большую часть торгово-промышленной буржуазии и мусульманского духовенства, имевших значительное влияние на умонастроения основной массы местного населения. Это позволяло сколачивать многочисленные банды, свободно ориентироваться в складывающейся обстановке, а также снабжаться оружием, боеприпасами, продовольствием и лошадьми.

Главные силы басмачей были разбиты Красной армией еще в начале 20-х, но бандиты и их западные покровители сумели уйти от окончательного разгрома. В 1924–1925 гг. басмачи при активном содействии Великобритании реорганизовались, получили централизованное управление под руководством агента английских спецслужб, узбека Ибрагим-бека, нукера бывшего бухарского эмира. Его активно поддерживали, обучали, снабжали оружием, боеприпасами и снаряжением ряд иностранных разведок, прежде всего Великобритании. После тяжелейших потерь в ходе боев столкновений с красноармейцами басмачи, как правило, уходили на территорию Афганистана, где в северных провинциях проживали родственные им этнические группы – таджики, узбеки, туркмены и др. Там они восстанавливали силы, пополняли свои отряды людьми и оружием, получая всестороннюю помощь, прежде всего от англичан (в значительно меньшей степени в этих же целях использовалась территория Ирана). Как следствие, во второй половине 20-х годов советское правительство предприняло жесткое политическое давление на Афганистан. В результате афганский эмир Аманулла-хан резко ограничил помощь бандитам, вынудив часть из них покинуть страну.

¹ См. об этом подробнее: *Зевелев А.И., Поляков Ю.А., Чугунов А.И.* Басмачество: возникновение, сущность, крах. – М., 1981; *Шумов С.А., Андреев А.Р.* Басмачество. – М., 2005.

Однако в конце 1928 г. в Афганистане при поддержке англичан вспыхнул мятеж, в результате которого власть захватил тесно связанный с английскими спецслужбами авантюрист Бача-и Сакао («сын водоноса»), этнический таджик, с которым работал лично «лучший разведчик всех времен и народов» полковник английской разведки Лоуренс Аравийский. В результате положение басмачей в Афганистане резко улучшилось. В связи с этим дважды (в апреле 1929 г. и в июне 1930 г.) отряды Красной армии переходили афганскую границу, громя басмаческие банды и инфраструктуру их поддержки по всему северу Афганистана вплоть до отрогов Гиндукуша. Бача-и Сакао был свергнут и убит. Пришедший к власти в Афганистане король Надир-шах после жесткого советского ультиматума разоружил часть басмаческих отрядов, а по базам непримиримого Ибрагим-бека весной 1931 г. нанесла внезапный удар кавалерия туркмен-кочевников, которым хорошо заплатило афганское правительство¹, по всей видимости, советскими деньгами. К этому времени изменилось и настроение среднеазиатского населения, представители которого стали активно вступать в добровольческие отряды по борьбе с басмачеством, а в массовом сознании бандиты воспринимались уже не как «басмачи» (налетчики), а как «душманы» (враги) и «шайтаны» (бесы). Только после этого басмаческое движение стало сходить на нет. Однако их отдельные вылазки фиксировались вплоть до 1939–1940 гг. Последние басмаческие группы исчезли после того как в 1942 г. Советский Союз и Великобритания договорились о прекращении подрывной деятельности с территории Ирана и особенно Афганистана², что лишний раз подчеркивает геополитическую обусловленность басмачества на территории советской Средней Азии.

В конце XIX – начале XX в., благодаря просветительской деятельности российских мусульман-джадидистов, среди которых выделим мусульманского реформатора, крымского татарина Исмаил-бея Гаспринского, постепенно начал складываться феномен «российского ислама». Однако в период после революции 1917 г. и в советский период по «российскому исламу», как и по

¹ *Бойко В.С.* Среднеазиатская эмиграция на заключительном этапе Гражданской войны в Афганистане (1930–1931). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://new.hist.asu.ru/biblio/V3/226-235.pdf> (Дата обращения: 25.12.2018.)

² См. об этом: *Зевелев А.И.* и др. Указ. соч.; *Дамье В.* Басмаческое движение. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.krugosvet.ru/articles/120/1012074/1012074a1.htm> (Дата обращения: 25.12.2018.)

другим традиционным религиям в нашей стране, был нанесен мощный удар, заблокировавший дальнейший ход их естественного и позитивного развития. Постепенно набирала обороты политизация ислама, приведшая к появлению так называемого «исламского фактора».

«Исламский фактор» активно использовался в различных сепаратистских проектах, направленных на раскол России, ее расчленение, ослабление, лишение способности сколько-нибудь существенно влиять на мировые процессы в период между Первой и Второй мировыми войнами, а также в ходе последней мировой войны. При этом следует подчеркнуть, что сепаратизм на геополитическом пространстве государства Российского всегда имел заинтересованных внешних спонсоров. В тяжелые для нашей Родины времена Гражданской, а затем Великой Отечественной войн неизменно находились силы, которые поднимали знамя сепаратизма. Заметную роль при этом играла определенная часть послереволюционной, в том числе мусульманской, эмиграции из СССР, от соблазна использовать которую не удержались в некоторых европейских и азиатских странах¹.

Очередной всплеск сепаратизма под исламскими знаменами фиксируется после развала Советского Союза в 1991 г. Пришедшие к власти в Чечне сепаратистски ориентированные элиты во главе с бывшим советским генералом Джохаром Дудаевым взяли курс на силовой выход из состава России и образование собственного независимого государства. События в Чечне 1994–1996 гг. под лозунгом «наведения конституционного порядка» открыли двери для ускоренной интернационализации радикального салафитского движения в регионе. Этот период времени был отмечен массовым участием в военных действиях в Чечне на стороне сепаратистов их единомышленников из Пакистана, Афганистана, Турции и различных мусульманских стран.

Чеченское «межсезонье» (1996–1999), ознаменовавшееся превращением ЧР в полигон терроризма, пристанище убийц, торговцев «живым товаром», наркотиками и оружием, позволило развиваться здесь экстремистскому движению, прикрываемому исламом. В свою очередь, это обстоятельство предопределило вторжение банд местных и зарубежных террористов в августе 1999 г. на территорию Республики Дагестан. Федеральными вооружен-

¹ См., например, об этом: *Соцков Л.Ф.* Неизвестный сепаратизм: на службе СД и Абвера. – М., 2003.

ными силами совместно с дагестанским населением экстремистам был дан отпор. Осенью 1999 г. на территории Чечни началась «антитеррористическая кампания», которая эволюционно прошла ряд важных этапов: от фронтальных сражений, апогеем которых стал штурм Грозного, до процесса «чеченизации» конфликта, т.е. его решения преимущественно силами самих чеченцев. Это, безусловно, привело к позитивным результатам собственно в Чечне, в итоге контртеррористическая операция на территории этой республики была официально завершена в апреле 2009 г.¹

Таким образом, в постсоветский период, под сильным внешним воздействием, в России наблюдался неуклонный процесс политизации и радикализации ислама и исламских группировок. Этот процесс усугублялся слабостью и разобщенностью традиционного и официального российского ислама, реализацией сепаратистских проектов в некоторых регионах страны. Одновременно под воздействием доктрин радикальных исламистов, боевых операций на Северном Кавказе здесь возникли и окрепли устойчивые группировки радикальных салафитов, прошедших институционализацию первоначально в некоторых северокавказских республиках. Впоследствии произошел процесс «растекания джихада» практически по всему Северному Кавказу, а также сложились предпосылки для создания радикальных салафитских группировок в Поволжье, на Урале и в Западной Сибири, а также появления их в «мусульманских анклавах» российских мегаполисов.

В связи с этим неудивительно, что в постсоветский период, ознаменовавшийся религиозным, в том числе и исламским, возрождением, политизация ислама и экстремистские проявления воинствующего исламизма предстали в общественном сознании, международной публицистике, а иногда даже в трудах ученых, именно как сущностная черта собственно ислама, радикализм которого якобы обусловлен его эндогенными свойствами. В нашей стране, особенно с началом военных действий в Чечне, ислам в массовом сознании стал ассоциироваться с угрозами и вызовами российской государственности, с радикализмом, экстремизмом и даже с терроризмом. Подобные домыслы и страхи выливаются в разгул бытового национализма, в исламо- и ксенофобию, что

¹ Добаев И.П., Мурклинская Г.А., Сухов А.В., Ханбабаев К.М. Радикализация исламских движений в Центральной Азии и на Северном Кавказе: сравнительно-политологический анализ. – Ростов н/Д., 2010. – С. 5.

проявляется в многочисленных публикациях и измышлениях на исламскую тематику.

Однако следует подчеркнуть, что основным поставщиком и главным распространителем терроризма является не собственно авторитетная мировая монотеистическая религия Ислам, а ее извращенная форма бытования – так называемый «радикальный ислам» (другие названия – исламский радикализм, или ислаимизм). «Исламский радикализм» как идеологическая доктрина и основанная на ней политическая практика реализуется в деятельности различного рода исламистских организаций, образующих в своей совокупности радикальное исламское движение¹. Это движение выступает частью более широкой тенденции реисламизации общества и политизации ислама, фиксируемой в последние десятилетия во многих регионах мира, в том числе и в России. Иначе говоря, ислаимизм проявляется как крайняя, агрессивная часть политизированного ислама.

Традиционно ислаимизм достаточно условно подразделяется на умеренный и радикальный. Цель у них одна и та же – построение исламского государства, а методы ее достижения разные: умеренные выступают за эволюционный, а радикалы – революционный пути достижения своего мировоззренческого идеала. Экстремизм и терроризм под прикрытием ислама продуцируют радикальные исламисты (их еще называют такфиритами-джихадистами). Разумеется, «исламский радикализм», тем более в его крайних формах, не может отождествляться с исламом вообще.

Одновременно подчеркнем, что основными, неизменными атрибутами и качествами «исламского радикализма» выступают особым способом интерпретируемые общеисламские понятия «**такфир**» и «**джихад**», практика осуществления которых в современном мире и порождает исламофобию.

Такфир – это обвинение в неверии, т.е. обвинение мусульман в том, что они верят неправильно или неискренне. В Сунне Пророка сказано: «Когда человек называет своего брата неверующим, это возвращается (по меньшей мере) к одному из них»². В своде суннитской ортодоксии – «Кадирийском трактате веры» («ар Рисаля аль Кадирийя»), принятом в период правления абба-

¹ Добаев И.П. Экстремистские неправительственные религиозно-политические организации как средство геополитики исламского мира // Философия права. – 2002. – № 2. – С. 98.

² Сахих Муслим. Книга ал-Иман, 116.

сидского халифа аль-Кадира (XI в.), также запрещается обвинять в неверии мусульман, если они упустили что-либо из законных установлений веры, исключая молитву¹.

Из изречений Пророка следует, что по традиции ни один мусульманин не может назвать другого неверующим (независимо от его недостатков или совершенных греховных дел) до того момента, пока тот сам публично не признается в этом. Это положение специально оговаривалось и считалось очень важным, так как вероотступничество почиталось одним из самых тяжких грехов и каралось смертью (хотя и в этом случае людям предоставлялось три возможности отречься от неверия). Однако такфириты сами предоставили себе право объявлять других мусульман вероотступниками (муртаддун) или лицемерами (мунафикун) на основании совершенных ими некоторых отклонений, по мнению такфиритов, от веры или отправления духовных обрядов, с которыми салафиты-такфириты не соглашались или которых просто не понимают. И, разумеется, они сами выступают судьями таких «плохих» мусульман. Как показывает мировая и северокавказская практика, подобного рода «суд» становится прелюдией к убийству такфиритами других мусульман, не разделяющих их идеологических установок.

Далее, такфириты считают всех христиан и иудеев неверующими и даже неверными (*кафирун*), тогда как ортодоксальный ислам называет их «Ахль аль-Китаб» («люди Писания»), такими же, как и мусульмане, верующими, но исповедующими более ранние Священные Писания, ниспосланные Богом. На этом основании такфириты считают себя вправе убивать их. Так, например, поступали члены бандгруппировок «Шариат» и «Дженнет» (Дагестан), «Халифат» (Ингушетия), «Ярмук» (Кабардино-Балкария) и др., совершая террористические вылазки и убивая российских милиционеров и военнослужащих, называя их «кафирами», что, как видим, является отступлением от исламской ортодоксии.

Отношение к политической власти. Традиционный ислам предписывает верующим подчиняться законным правителям (даже если те совершают греховные действия и аморальны в поведении) во всех вопросах, которые не противоречат шариату. В Коране говорится: «О вы, которые уверовали! Повинуйтесь Аллаху и повинуйтесь посланнику и обладателям власти среди вас...» (4:62).

¹ Цит. по: Мец А. Мусульманский ренессанс. – М., 1996. – С. 203.

В различных мазхабах (религиозно-правовых школах в исламе, или исламских толках) нет полного согласия по поводу того, какой конкретный смысл следует вкладывать в слова «законный правитель», однако достаточно сказать (поскольку между всеми четырьмя суннитскими мазхабами имеется согласие в том, что всегда надо исходить из наиболее простого правила в любом ортодоксальном мазхабе), что в наиболее распространенном ханифитском мазхабе правитель считается законным до тех пор, пока он: 1) публично не признал себя вероотступником или еретиком; 2) участвует в общих молитвах; 3) поддерживает общественный порядок и защищает государство; 4) не совершает на деле или не подводит к совершению серьезных преступлений (в качестве таковых рассматривается *фитна* – народный бунт), даже если он и не вводит шариат полностью. В исламе порядок и безопасность населения (т.е. важнейший элемент национальной безопасности) рассматриваются в качестве первоочередной обязанности правительства, а анархия, бунт и гражданская война – считаются величайшей опасностью для населения. В Коране прямо говорится: «...Соблазн хуже, чем убийство» (2:187).

Такфириты тем не менее считают, что все ветви и структуры политической власти, которые не придерживаются их идей – причем абсолютно всех их порочных и еретических идей относительно ислама, – незаконны. Лидеров государств и республик они считают незаконными узурпаторами (*тагутами*), а представителей власти и управления, сотрудников правоохранительных органов и силовых структур из числа местных граждан – вероотступниками. Поэтому присвоили себе право и даже полагают своей обязанностью пытаться их свергнуть, убить, отстранить от власти.

Джихад (священная война) в исламе. Согласно мусульманской ортодоксии, джихад (священная война в исламе) может быть объявлен тогда, если жизнь мусульман и их земли подверглись угрозе нападения или нападению. Джихад – это священная война ради законной самозащиты. Джихад может быть объявлен только законным правителем, если и когда он считает это необходимым, для того чтобы защитить жизнь мусульман, их потомков и их земли. В этом смысле священным долгом каждого здорового мужчины является участие в джихаде, иначе на нем будет вечное проклятие.

При этом даже если джихад объявлен, существуют правила поведения и военных действий, которые не могут быть нарушены, независимо от того, как поступает враг. В исламе не существует понятий типа «тотальная война», «политика выжженной земли»;

порицаются убийства (в том числе посредством взрывов) гражданского населения и т.п. Все это – абсолютно чуждые и аморальные, независимо от условий, понятия для традиционного (ортодоксального, эталонного) ислама.

Такфириты между тем не признают ни правила объявления джихада, ни формы, ни методы его ведения.

Диверсионно-террористические акции такфиритов. Поскольку такфириты-джихадисты сами себе предоставили право объявлять людей «врагами ислама» (неверные, вероотступники и лицемеры), отвергать традиционную политическую власть, поскольку они не только санкционируют самоубийство своих соратников (*шахидизм*), но и подстрекают людей к этим антигосударственным действиям, одновременно игнорируя все правила джихада, им с моральной точки зрения очень легко совершать убийства, диверсионные и террористические акции.

Таким образом, бандиты, прикрывающиеся исламом и до сих пор еще орудующие на Северном Кавказе и в некоторых других регионах России, – это и есть такфириты-джихадисты. Становится тогда также понятно, каким образом, называя себя мусульманами и утверждая, что действуют во имя ислама, они в то же время полностью игнорируют все основные положения ислама относительно убийств и правил ведения джихада. Знакомство с основными принципами идеологии радикальных исламистов в области ключевых для них понятий (такфир и джихад) объясняет не только многочисленные убийства ими людей, но и то, как боевики и бандиты, планирующие и совершающие такие акции, могут чувствовать себя при этом абсолютно правыми.

Однако следует подчеркнуть, что среди миллионов и миллионов мусульман во всем мире, в том числе и в России, такфириты-джихадисты составляют всего лишь доли процента. Да, действительно, любой исламист – мусульманин, но далеко не каждый мусульманин – исламист, тем более радикальный. Подавляющее большинство мусульман, для которых религия Ислам является верой, – добропорядочные и законопослушные граждане своего Отечества. Светские ученые-исламоведы, исламские богословы, представители мусульманского духовенства, подавляющее большинство рядовых мусульман не разделяют идеологии такфиритов-джихадистов, не приемлют терроризм, не ассоциируют его с джихадом, осуждают неадекватное применение насилия в политических целях.

В заключение подчеркнем, что в целом исламофобия в современной России и ее регионах носит ситуативный характер. Ее причины связаны с еще до конца не преодоленным системным кризисом, поразившим особенно сильно северокавказские республики сепаратистскими тенденциями рубежа 80–90-х годов XX в., а также многочисленными внешними и внутренними конфликтогенными факторами, угрожающими национальной безопасности Российского государства. Вместе с тем Россия имеет богатый опыт построения конструктивных отношений между различными религиями и конфессиями, противоположный мифологеме неизбежности столкновения цивилизаций¹. На базе диалога традиционных для России конфессий исторически сложился баланс духовно-нравственных ценностей (при полном сохранении независимости каждой из них и отказа от прозелитизма в отношении этнических групп, из века в век исповедующих другие религии), которые лежат в основе социокультурной системы России и без опоры на которые невозможна реализация ни одного крупного социального проекта².

*Статья предоставлена авторами для публикации
в бюллетене «Россия и мусульманский мир»*

¹ Щукина Е.Л. Угрозы и вызовы культурной безопасности в современной России // Гуманитарий Юга России. – 2015. – № 4. – С. 109.

² Щукина Е.Л. Культурная безопасность современной России как элемент национальной безопасности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГА. – 2015. – № 3. – С. 348.